

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(47)+92

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567>

**Главный аманат Кавказской войны:
старший сын имама Шамиля в России**

Василий Борисович Каширин¹, Вадим Михайлович Муханов²

¹ *Институт славяноведения РАН, Москва, Россия,
vbkashirin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2653-7063>*

² *Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова
РАН, Москва, Россия, vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.*

Аннотация. В статье строго на документальной основе реконструируется жизнь старшего сына имама Шамиля — Джемал Эддина в России, в центре внимания — период пребывания в кадетских корпусах и русской армии. Выделяются и на архивных документах проверяются основные вехи его жизненного пути и этапы военной службы — от девятилетнего горского мальчика, приехавшего в статусе аманата, и до офицера русской армии. Авторы на материалах РГВИА детально разбирают и ряд делопроизводственных прецедентов, связанных как с появлением Джемал Эддина на русской военной службе, так и с вынужденным уходом с нее.

Ключевые слова: Кавказская война, Шамиль, Россия, Джемал Эддин, аманат, Николай I

Для цитирования: Каширин В. Б., Муханов В. М. Главный аманат Кавказской войны: старший сын имама Шамиля в России. *Ориенталистика*. 2024;7(3):552–567. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The main amanate of the Caucasian War: eldest son of Imam Shamil in Russia

Vasily B. Kashirin¹, Vadim M. Mukhanov²

¹ *Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vbkashirin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2653-7063>*

² *Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>*

Abstract. The archive-based research reconstructs the life of Imam Shamil's eldest son, Dzhemal Eddin, in Russia. It is focused on the period of his stay in the cadet corps and the Russian army. The main stages of his life and military service are highlighted and verified. They comprise the period from a 9-year-old mountain boy who arrived as an amanat to an officer in the Russian Imperial Army. The authors using the documents preserved in the Russian State Military Historical Archive provide a detailed analysis of several bureaucratic issues. They shed light upon how Dzhemal Eddin joined and left the Russian military service.

Keywords: Caucasian War, Shamil, Russia, Djemal Eddin, hostage, Nicholas I

For citation: Kashirin V. B., Mukhanov V. M. The main amanate of the Caucasian War: eldest son of Imam Shamil in Russia. *Orientalistica*. 2024;7(3):552–567. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567> (in Russian).

Кавказская война оказала свое влияние не только на судьбы своих главных героев, таких как имам Шамиль, наиб Хаджи-Мурат, но и на членов их семей. Особенно интересно проследить это на примере эпохальной фигуры имама Шамиля, стоявшего во главе Имамата на протяжении четверти века (вплоть до своего пленения в августе 1859 г.). В тот год он вместе со своей многочисленной семьей и прислугой в одночасье превратился в почетного, но пленника. Тем не менее именно судьбы его детей и потомков представляют прекрасной иллюстрацией к российской политике по интеграции горцев, в данном случае — из элитарной группы в российское общество и армию. Очевидно, что наиболее заметный след оставили его сыновья, жизнь которых фактически была разделена на несколько качественно различных периодов (на Северном Кавказе в Имамате, в России после пленения отца, в Российской и Османской империях после его кончины).

Судьбы сыновей великого имама после пленения, длительного пребывания в Центральной России и отъезда в Османскую империю оказались расколотыми: двое сыновей впоследствии покинули Россию и поступили на военную службу к турецкому султану — Гази-Мухаммед и Мухаммед Камиль. Еще один сын — Мухаммед Шефи, наоборот, поступил в Кавказский эскадрон

Императорского конвоя и сделал успешную карьеру на русской военной службе, закончив ее в 1880-е гг. в генеральском чине и с повышенной пенсией.

Наибольшее влияние Кавказская война оказала на судьбу и весь жизненный путь старшего сына — Джемал Эддина. Она предоставила ему шанс проявить себя в чуждой ему среде и незнакомом окружении: он 15 лет провел в Российской империи, пройдя значительный путь от горского мальчика до офицера русской армии. Однако изменившийся ход Кавказкой войны снова заставил его кардинально менять свою жизнь, которая была вскоре и закончилась в горах, где он умер в 1858 г., не достигнув даже и 30-летия.

Вокруг невероятной истории жизни Джемал Эддина сложилось большое количество легенд и откровенных выдумок, направленных на некую романтизацию его трагического образа. Мы постараемся строго на документальной основе очистить его биографию, время пребывания в кадетском корпусе и в русской армии от подобных мифов, выделив основные моменты его непростого жизненного пути — от горского аманата до офицера русской армии.

В статье мы пытаемся осветить ряд сложных коллизий в его биографии, выделяем и разбираем несколько делопроизводственных прецедентов, связанных с появлением сына Шамиля на русской военной службе и вынужденным уходом с нее. С этими вопросами нам помогли разобраться, в первую очередь, документы из фондов РГВИА, где сохранился целый пласт разнообразных материалов, относящихся к судьбе Джемал Эддина¹.

* * *

Итак, старший сын Шамиля был рожден его женой Патимат в селении Гимры в июне 1831 г. До 8 лет он вместе с братом Гази-Мухаммедом (род. в 1833 г.) жил с родителями на Северном Кавказе. Но 1839 г. кардинальным образом изменил всю его жизнь: в результате неудачно складывавшегося для имама хода боев за аул Ахульго Шамиль был вынужден пойти на переговоры с командующим русским отрядом генерал-лейтенантом П. Х. Граббе, и выдать своего старшего сына в аманаты (для прекращения военных действий и начала мирных переговоров).

Первый прецедент, сразу показавший особый статус Джемал Эддина, произошел практически сразу после его передачи русской стороне. Он был выдан генералу Граббе в качестве заложника/гарантии выполнения условий, взятых на себя имамом, однако последний через несколько дней после этого сумел с небольшим отрядом прорваться через русское окружение и уйти, продолжив военные действия против Кавказского корпуса. В силу такого поворота событий Джемал Эддин моментально превращался из ценного аманата в пленника.

Заметим, что в назидательных целях было принято решение сурово покарать жителей взятого Ахульго: все взрослые мюриды признавались преступ-

¹ Последние изыскания наших коллег востоковедов привели к интересной и важной находке. Оказалось, что первый ребенок у Шамиля и Патимат, дочери известного лекаря Абдул-Азиза, родился весной 1829 г. под именем Джемал ад-дин Ахмад. Однако он умер во младенчестве, прожив всего 7 месяцев, — в конце октября 1829 г. Поэтому и второго мальчика Шамиль назвал в честь своего наставника — Джемал Эддина Казикумухского [Кемпер, Тагирова, Шихсаидов, 2010, с. 267].

никами и отправлялись в арестантские батальоны, а все мальчики и юноши младше 20 лет — в Воронежские батальоны военных кантонистов. Согласно сохранившемуся списку, число малолетних товарищей сына имама, взятых при штурме Ахульго и предназначенных для передачи в кантонисты, составляло 40 человек². Таким образом, все пленники из Ахульго направлялись на военную службу, вопрос только, в каком статусе. Отметим, что за Джемал Эддином как статусным пленником — сыном вождя горцев — признали его элитарное происхождение и сохранили право получить военное образование и офицерский чин впоследствии.

Первым шагом, направленным на легитимацию статуса Джемал Эддина в империи, стала фиксация его имени и фамилии, впервые записанных на русском языке. Многие современники передавали его имя как «Джемалэддин» (или «Джамалутдин»), однако во всех официальных документах, сопровождавших его пребывание в 1-м кадетском корпусе, а также в формулярном списке 1849 г. значился кадет, а потом и корнет «Демальдан Шамиль». Таким образом, его имя было записано в довольно необычном, можно сказать, искаженном виде. Возможно, это одна из тех многочисленных писарских ошибок, с которыми приходится сталкиваться любому исследователю отечественной истории. Автоматически мальчик получил и фамилию, причем без чрезмерной русификации, просто имя своего знаменитого отца — «Шамиль», а далеко не «Шамилев» (или любой другой схожий русскоязычный аналог). Важно заметить, что это стало судьбоносным прецедентом, так как эту же фамилию получили и другие дети Шамиля, поселившиеся в России, а главное — ее носят их потомки до сих пор (подробнее см.: [Муханов, 2007, с. 219]).

Николаевская Россия была империей с доведенным до высочайшего уровня бюрократическим делопроизводством, поэтому документы 1-го кадетского корпуса предельно четко фиксировали и происхождение Джемал Эддина, и статус его отца с точки зрения имперских властей. Там он числился «сыном Дагестанского мятежника»³. И лишь позднее, с производством его в офицеры, эта формулировка была изменена, точнее смягчена (просто «из горцев»)⁴.

Вначале в силу своего возраста сын Шамиля попал в малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса, откуда в декабре 1839 г. был переведен в аналогичное заведение в Петербурге — Александровский сиротский кадетский корпус (по причине отсутствия в первом муллы!). В Александровском малолетнем кадетском корпусе сын Шамиля пробыл без малого два года. Там он выучил русский язык и приобрел первые навыки жизни в России и, по сути, уже приобщился к военной службе. Согласно его формулярному списку, 4 октября 1841 г. он был зачислен «воспитанником из горцев» в 1-й кадетский корпус⁵. Это был качественный шаг вверх на пути к офицерскому статусу.

Следует отметить, что Джемал Эддин оказался в одном из самых престижных военно-учебных заведений в Российской империи. Его элитарный

² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 638. Л. 1–3.

³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 466. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 4–4об.

⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 466. Л. 2.

статус подтверждался хотя бы тем, что по непререкаемому правилу сюда принимали лишь детей потомственных дворян, родители которых имели чин не ниже полковника. Об исключительной роли корпуса говорит и тот факт, что 18 июня 1827 г. кадетом в него зачислили наследника-цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II. В Первый кадетский поступали и другие сыновья Николая I: 1837 г. — великий князь Константин Николаевич, 1839 г. — великий князь Николай Николаевич, 1840 г. — великий князь Михаил Николаевич [Антонов, 1906, с. 22, 29–30]. Помимо членов Российского Императорского Дома в стенах корпуса обучались и многие известные военные и государственные деятели. Любопытно, что в одной с Джемал Эддином роте Его Величества в корпусе состояли будущий крупный военный деятель, начальник Главного Штаба, генерал от инфантерии Н. Н. Обручев и сын черногорского князя Никола Негош (его койка стояла рядом с койкой сына Шамиля в отдельной комнате для горцев).

Методика воспитания и сама атмосфера в кадетских корпусах той эпохи была жесткой, если не сказать жестокой. Главным инструментом воспитания по-прежнему оставались розги. Однако, что важно для характеристики пребывания Джемал Эддина в корпусе, кадеты из горцев, согласно правилам, принятым в 1829 г., телесным наказаниям не подвергались.

Привилегированное положение Джемал Эддина было неизменным на всем протяжении пребывания в кадетском корпусе, в частности, он получил право писать письма к отцу, несмотря на разгар Кавказской войны. Всего же кадет Шамиль написал не менее четырех писем отцу, два из которых, написанные до 1845 г., не сохранились (или, по крайней мере, неизвестны исследователям). Два письма — 1845 г. и 1847 г. — отложились в фондах Военно-исторического архива⁶, а последнее было даже опубликовано [Акты..., т. 10, 1885, с. 468–469]. Дошли ли они до имама, неизвестно (скорее всего, нет, так как не имеется ни одного подтверждения успешной доставки данных писем).

Письма Джемал Эддина заслуживают того, чтобы привести их полностью, без купюр. Первое сохранившееся в копии письмо датируется 29 июня 1845 г. и имеет традиционное обращение к Шамилю как привилегированному лицу — «его сиятельству»⁷:

«Драгоценный мой родитель Шамиль!

После долгой разлуки извещаю вас любезный родитель, что я благодаря Бога жив и здоров; с тех пор как после сражения в 1839 года при Ахулго отправили меня в С. Петербург, и где я, благодаря Творца и Милостивейшего Государя Императора нахожусь в воспитательном заведении Его Императорского Величества Государя Императора. В этом же заведении воспитываются почти все Генеральские дети, со мною здесь очень хорошо обращается Начальство, и ни в чем моего достоинства не унижают. Скажу Вам также милый мой родитель, что все обряды Магометанской веры, я исполняю, как исполнял дома, ибо по приказанию

⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 115, 132.

⁷ Грамматика и пунктуация писем сохранена.

Милостивейшего Государя Императора нас учит мулла нашей веры. С тех пор, как я с вами разлучился, я писал к Вам с дозволения Начальства два раза; а от вам не получил никакого известия, и потому прошу вас милый мой родитель не придавать меня забвению; я же буду к вам писать как только найду к тому случай, если же вы любезный родитель будете писать ко мне; то, чтобы доходило вернее, для этого адресуйте Господину Штабс-Ротмистру Кази-Магомету Дударову, живущего в Кавказской области в крепость Владикавказ, а он по обещанию доставит письмо мне. Если же вы хотите собственного моего адреса, то адресуйте так: Его Сиятельству Господину Горцу Джемалдину Шамилю, воспитаннику 1-го Кадетского Корпуса в город С. Петербург. Прошу вас любезный мой родитель передать от меня поклон всем моим родственникам и знакомым, и засвидетельствуйте от меня глубочайшее почтение.

Остаюсь истинно любящий вас сын *Джемалдин Шамиль*⁸.

Именно из этого письма мы и узнаем, что он уже писал отцу дважды, но ответа не получал и вообще не знает, дошли ли его послания до имама.

Второе сохранившееся до наших дней письмо сына Шамиля из Петербурга датируется 4 ноября 1847 г. (это единственное письмо, которое опубликовано, правда с небольшими ошибками и пропусками) [*Акты...*, т. 10, 1885, с. 468–469]. Показательно, что по тексту практически невозможно определить адресата и его статус. Тем не менее указанное послание фиксирует отсутствие контактов с родными с 1839 г. Второе послание также интересно, поэтому мы приводим его полностью, без сокращений (базируясь на архивной копии, написанной хорошим писарским почерком):

«Копия с письма воспитанника 1-го Кадетского Корпуса Джемалдин Шамиля к родителю его, от 4 ноября 1847 года.

В продолжении 8-ми лет нашей разлуки, я не имею никакого известия о Вас и о матушке, не знаю к чему приписать Ваше молчание; Неужели Вы забыли того, который ежеминутно вспоминает и молит Всевышнего, о сохранении здоровья Вашего; поверьте любезный батюшка, что молчание Ваше сильно огорчает и беспокоит меня, и даже служит причиною, что я не могу учиться так, как бы следовало, при всех тех средствах, какие я имею по милости Монарха Русского, который печется об нас, как о собственных детях своих. Я воспитываюсь в 1-м Кадетском Корпусе, и представьте себе наше счастье, — дети Государя Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, каждый день, во время лагеря бывают у нас и вместе с нами обучаются фронту, вообще все попечения, какие употребляются при воспитании нашем так велики, что трудно выразить их, все это я пишу от самого чистого сердца, и ежели когда либо приведет Бог обнять Вас, тогда буду иметь случай лично благодарить Вас за то, что отдали меня на воспитание в Россию. В настоящее время я понял, как необходимо и любопытно всякое познание в науках; и ежели б Вы известили

⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 115. Л. 2–3.

меня о себе, тогда в сто раз было бы веселее проводить время в полезных и приятных для меня занятиях. Теперь опишу Вам, как я провожу время, каждый день, исключая пятницы и воскресенья, в продолжении 6 часов учусь по-французски, по-немецки, по-русски, и разным другим полезным наукам, танцованию, к которому я очень приохотился, а также и гимнастике; одним словом, я провожу время приятно и с большою для себя пользой. Еще раз умоляю Вас любезнейший батюшка напишите мне, хотя несколько строчек, тогда я буду знать, что Вы не забыли меня и желаете, чтобы я писал к Вам о себе. Прощайте дорогой и неоцененный мой родитель, желаю вам доброго здоровья и всего лучшего в этом мире. Остаюсь всегда послушный и любящий Вас сын Ваш»⁹.

Последнее письмо поражает своей взрослой рассудительностью — польза наук, усердное их изучение, а также русского и европейских языков, все это нехарактерно для юноши 16 лет. Заметим, что его успехи в учебе и большая тяга к знаниям не подтверждались оценками.

Несмотря на целый ряд рассказов дагестанских историков и краеведов о блестящих способностях Джемал Эддина и его выдающих успехах в учебе, жажде к чтению новых книг и саморазвитию, документы тех лет упрямо говорят об обратном. Он вышел из корпуса с весьма скромным баллом. Согласно формулярному списку, в 1-м кадетском Джемал Эддин обучался Магометанскому закону, русскому, французскому и немецкому языкам, алгебре, геометрии, ботанике, зоологии, географии, истории, черчению и рисованию¹⁰. Его общий итоговый выпускной балл по этим 12-ти предметам составил 73 при максимально возможных 144 баллах. Таким образом, по оценкам «за науки» сын Шамиля едва-едва был «троечником», если использовать современную шкалу. За «фронт», т. е. за строевую подготовку, Джемал Эддин набрал всего 6 баллов из 12-ти, а за поведение получил всего 4 балла из 12-ти, что вопиюще низко (никто из кадетов выпуска 1849 года не имел здесь менее 6 баллов)¹¹. Это обозначало крайне «посредственное поведение», близкое к дерзости.

Для большинства кадетов такой балл за поведение означал если не отчисление из корпуса, то почти неизбежное получение при выпуске малопрестижного назначения в линейные батальоны или части корпуса внутренней стражи. Однако это никак не относилось к сыну горского вождя. Кадет Джемал Эддин был весьма сообразителен, чтобы понять, что его фактического наследника воюющего с Россией повелителя Восточного Кавказа никто исключать из корпуса и отправлять в батальон кантонистов не будет. Не будем забывать и об отсутствии телесных наказаний для кадетов из горцев.

Все это говорит о том, что Джемал Эддину было нечего бояться и нечего терять, чем он в полной мере и пользовался, что напрямую сказывалось на результатах его учебы. И если низкие баллы «за науки» можно было бы объ-

⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 132. Л. 4–4об.

¹⁰ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 2. Л. 319–320.

¹¹ Там же. Ч. 1. Л. 72–72об.

яснить трудным для горского мальчика постижением незнакомых ранее для него предметов, то его баллы «за фронт» (заметим, при отличном физическом развитии) и поведение прямо говорят об одном — Джемал Эддин явно не старался быть хорошим (с точки зрения корпусного начальства) кадетом.

Для сравнения, лучшим в одном с Джемал Эддином выпуске из корпуса 1849 г. являлся Христофор-Михаил Христофоров сын Рооп 3-й, родившийся 1 мая 1831 г. в семье полковника русской армии католического вероисповедания. Выпускные баллы последнего «за науки» составили 197, а за поведение и за фронт — по 12 баллов; всего — 221 балл. Имя Роопа как лучшего в выпуске было занесено на мраморную доску корпуса¹². Впоследствии достиг чина полного генерала, участвуя в ряде кампаний русской армии второй половины XIX столетия.

Однако вместе с Джемал Эддином в кадетском корпусе учились и другие молодые северокавказские горцы. В одном с ним выпуске 1849 г. было еще 3 кадета: Аважуко Тулатов, Урусипи Алдатов и Амза Махтиев Карагозов. Их выпускные баллы не сильно отличались от аналогичных показателей Джемал Эддина: у Тулатова — 52 в науках (из 108), 7 — за поведение; у Алдатова — 75 в науках (из 96), 7 за поведение; у Карагозова — 61 в науках (из 108), 6 за поведение¹³ (подчеркнем, что программа обучения каждого кадета различалась набором учебных предметов, поэтому и высшие итоговые баллы тоже различались!). Главный момент, который обращает на себя внимание, что кадеты-горцы, так же, как и сын Шамиля, явно не отличались в кадетском корпусе высокими способностями к учебе, прилежанием и примерным поведением.

Время выпуска сына Шамиля из Первого кадетского корпуса подоспело в 1849 г., когда русская армия стала готовиться к Венгерской экспедиции. Во многих военно-учебных заведениях империи прошли «усиленные выпуски» (в офицеры производились все кадеты, достигшие определенного возраста или прошедшие в корпусах положенное число лет)¹⁴. Под подобный выпуск попал и кадет Джемал Эддин Шамиль.

По повелению императора Николая I кадеты в 1849 г. выпускались из корпуса офицерами в армейские части, либо в линейные батальоны и части внутренней стражи. Однако кадет Шамиль находился в корпусе на особом положении и в подобное распределение просто не попал. Высочайшим приказом 6 июня 1849 г. Джемал Эддин произведен в чин корнета, с зачислением по армейской кавалерии в Уланский Е. И. В. великого князя Михаила Павловича полк¹⁵. Заметим, что выпуск Шамиля «с особым представлением» в армейскую кавалерию представлял исключение из общепринятых правил¹⁶.

После производства Джемал Эддина в корнеты при составлении первого формулярного списка возник вопрос о том, что записать в его 2-ю графу — о происхождении. Опытные бюрократы из Инспекторского департамента

¹² РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 1. Л. 373–375об.

¹³ Там же. Ч. 1. Л. 102; Ч. 2. Л. 256–261.

¹⁴ Там же. Ч. 1. Л. 47–47об.

¹⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 1. Л. 310–310об.

¹⁶ Там же. Л. 39–43.

Военного Министерства посчитали, что использовать прежнюю формулировку «сын Дагестанского мятежника» было бы неверно. В соответствующем докладе в Главную Квартиру подчеркивалось: «Как название мятежник не выражает собою происхождения, и даже не имело оно нравственного влияния и на характер молодого человека, не имеющего никакого участия в проступках отца, казалось полезным показывать его по формулярному списку просто из Горцев»¹⁷. Император признал данное предложение обоснованным, и новоиспеченный корнет Шамиль был записан как происходящий «из Горцев»¹⁸. Вероятнее всего, Николай I не хотел наделять сына имама, ставшего офицером, никаким особым статусом, который бы слишком выделял его из среды сослуживцев.

То, что Джемал Эддин получил назначение в кавалерию, представляется вполне закономерным и даже естественным. В то время по умолчанию считалось, что этот «род оружия» наиболее подходил для офицеров из «азиятцев», к которым причислялись и кавказские горцы. Показательно, что и другие горцы-товарищи сына Шамиля по выпуску из корпуса были также произведены в корнеты с причислением к разным полкам армейской легкой кавалерии — уланам и гусарам (Уруспи Алдатов — к уланскому Е. И. В. Великой Княжны Екатерины Михайловны полку, Аважука Тулатов — к гусарскому Е. И. В. Герцога Максимилиана Лейхтенбергского полку, Амза Махтиев Карагозов — к гусарскому Наследного Гросс Герцога Саксен-Веймарского полку)¹⁹.

Еще один интересный момент — уланского мундира корнет Шамиль так и не получил. После выпуска из корпуса пришел запрос в штаб главного начальника военно-учебных заведений, в какую офицерскую форму следовало обмундировать корнета Шамиля — в горскую или присвоенную офицеру, состоящему по кавалерии. Его статус оставался уникальным, поэтому вопросы с ним решались только за счет обращений в высшие инстанции. Главный начальник военно-учебных заведений, в свою очередь, обратился к военному министру с тем же вопросом. Такая длинная переписка завершилась простым ответом Николая I. Собственноручная резолюция императора от 1 июля 1849 г., заверенная военным министром графом Чернышевым, лаконично гласила: «Какую сам пожелает»²⁰.

Джемал Эддин изъявил желание носить в полку горскую форму, а не армейский уланский мундир. В архиве сохранилась даже «Ведомость полному обмундированию Корнета Шамиля из Горцев», дающая представление, как выглядел последний в своей горской форме²¹. Сын Шамиля носил черкеску синего сукна с серебряными газырями и серебряным же галуном, кинжал и шашку.

¹⁷ РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 466. Л. 2об.

¹⁸ Там же. Л. 5–5об.

¹⁹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 1. Л. 223, 249, 271–271об.

²⁰ Там же. Ч. 1. Л. 324.

²¹ Там же. Ч. 2. Л. 24–24об.

После производства в офицеры Шамилю в виде пособия на обзаведение формой и оружием было выплачено из Государственного казначейства жалованье — 71 руб. 66 ½ коп. серебром, и особо 21 руб. 42¾ коп., а также годовой оклад — 215 руб., всего — 308 руб. 9¼ коп. серебром²². Иными словами, на ближайшие годы, до получения очередного чина, корнету Шамилю предстояло жить на обычное жалованье в 215 руб. в год. О каких-либо других источниках дохода у Джемал Эддина ничего не известно, и почти наверняка можно сказать, что их просто не было. Не было никаких специальных пенсионов и негласного содержания от казны, которое, кстати, получали впоследствии на регулярной основе его младшие братья (после пленения отца и переезда семьи в Центральную Россию).

Для сравнения особенно подходят вехи карьеры и денежное содержание на русской военной службе Мухаммеда Шефи. Напомним, что последний, согласно просьбе отца, после полутора лет пребывания в России был устроен на военную службу, причем сразу в привилегированное подразделение — Императорский конвой. Официальное зачисление в Лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Е. И. В. конвоя произошло 8 апреля 1861 г. Согласно Высочайшему приказу, корнет Мухаммед Шефи Шамиль был зачислен во 2-й взвод эскадрона (из горцев)²³. Его подъем по карьерной лестнице пошел быстро: в августе 1864 г. Мухаммед Шефи получает чин поручика, еще через два года — чин штабс-ротмистра. Появились и награды русской армии: в августе 1868 г. «за отлично-усердную службу награжден орденом Св. Анны 3-й ст²⁴». В 1870-е гг. сын Шамиля успешно продвигался вверх по «Табели о рангах»: в августе 1871 г. получил чин ротмистра и в том же году принял под командование 3-й взвод (лезгин) Кавказского конвоя, а почти ровно через 5 лет с формулировкой «за отличие по службе» был произведен в полковники²⁵.

Денежное содержание Мухаммеда Шефи на военной службе можно оценить как привилегированное, особенно по сравнению с его старшим братом Джемал Эдином. Помимо базового офицерского содержания, куда входили непосредственно офицерское жалованье, продовольственные и денщицкие деньги, а также квартирные и добавочные (всего свыше 2 тыс. рублей ежегодно)²⁶, Мухаммед Шефи получал еще и негласное денежное пособие, как и его старший брат Гази-Мухаммед. В первой половине 1860-х гг. подобные

²² РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 2. Л. 124–124об, 127, 318–318об.

²³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 739. Л. 7–8.

²⁴ Там же. Д. 1028. Л. 41об.

²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 18об.

²⁶ Согласно послужному списку на 1 января 1870 г., сын Шамиля в чине штабс-ротмистра Конвоя получал следующее содержание:

«Жалованье	691 р. 65 к.
Продов. и деньщ.	584
Квартир.	171
Добавочных	600.

Итого 2046 р. 65 к.» [РГВИА, ф. 970, оп. 1, д. 1028, л. 41].

пособия выделялись из общего пенсионера в 15 тыс. руб, выделенного имаму Шамилю в качестве ежегодной пенсии от российской казны²⁷. Мухаммед-Шефи в собственной докладной записке писал: «Отец мой назначил мне из Всемиловейше пожалованного ему пенсионера, в пособие к отпускаемому мне от казны содержанию, по две тысячи рублей в год, которые я и получил в первый год моей службы. Но на следующий год я получил только 1500 руб., а в 1864 году — 1200 р.»²⁸. Подобное пособие выделялось всю первую половину 1860-х гг. С конца 1860-х гг. оно стало выделяться напрямую из казны и перестало быть негласным (ежегодная выплата составляла 600 руб.)²⁹. Мухаммед Шефи закончил службу в генеральском чине и вышел в отставку в 1882 г., получив персональную пенсию в размере 6 тыс. руб.³⁰

Различия, как ясно видно, значительные: это и начальный этап карьеры в русской армии, и денежное содержание, и получение офицерских чинов. Признаем, что именно Джемал Эддин был первым на этом непростом пути, тем более — в разгар Кавказской войны, когда на другой стороне долгие годы доминировал его отец, поэтому и отношение к нему было особенное, но без больших льгот и преференций, которые получили его братья, приехав в Россию в свите отца, который был уже почетным пленником императора.

Необходимо отметить, что вся служба Джемал Эддина в уланском полку (в период 1849–1854 гг.) прошла практически незамеченной для исследователей, так как не нашла отражение в дошедших до нас источниках, будь то официальные документы Военного ведомства или воспоминания современников. Однако некоторые выводы мы можем сделать, опираясь на статус и место полка в армейской иерархии. Полк, который был выбран для сына Шамиля в военном министерстве, был старым и известным, однако являлся одним из полусотни армейских полков регулярной армии Российской империи. Важно подчеркнуть, что Николай I не посчитал нужным выпускать Джемал Эддина в гвардейскую кавалерию, например, в лейб-гвардии Кавказский горский полуэскадрон Собственного Е. И. В. Конвоя, где, кстати, спустя десятилетие с небольшим оказался его младший брат Мухаммед Шефи (который с легкостью был зачислен корнетом во 2-й горский взвод). Это, на наш взгляд, само по себе красноречиво говорит о том, что в планы императора не входило приобщение Джемал Эддина к высшему свету и столичной жизни и, тем более, воспитание из него деятеля, заточенного под реализацию российской политики на Кавказе и умиротворения региона в дальнейшем. Сыну горского вождя предстояла обычная карьера армейского офицера, вдвойне нелегкая, потому что он не имел в России фамильных связей и протекций. Отдельно отметим отсутствие каких-либо данных о том, что после выпуска из кадетского корпуса Николай I или кто-то из его окружения оказывали молодому корнету Шамилю сколько-нибудь заметное покровительство.

²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 4–4об.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1019. Л. 2; там же. Д. 1054. Л. 5.

³⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 17.

Логичным итогом первых трех лет службы в полку стало производство Джемал Эддина в следующий офицерский чин — поручика (Высочайший приказ об этом состоялся 19 июля 1852 г.)³¹. Однако подняться на следующие ступени военной карьеры ему было уже не суждено.

Знакомство с реальной историей жизни Джемал Эддина в России позволяет поставить под сомнение легенды и откровенно фантастические версии, периодически повторяемые нашими северокавказскими коллегами, да и не только ими. Якобы царь готовил его к роли крупного кавказского администратора, чуть ли не наместника, что у него было привилегированное положение и большие финансовые ресурсы (регулярно пополняемые из казны), что молодой корнет находился под постоянной опекой царя, который относился к нему чуть ли не как к собственному сыну. Все эти утверждения, которые долгие годы ретранслируются как в статьях и книгах, так и в выступлениях целого ряда современных историков и краеведов, имеют явный характер домысла.

Значительную долю домысла несет и другой сюжет, связанный с Джемал Эддином и относимый к началу 1850-х гг., который часто тиражируется в среде краеведов и авторов популярных изданий — это красивая история его романтических отношений, переросшая якобы даже в помолвку с Елизаветой Олениной, внучкой президента Академии художеств А. Н. Оленина, представительницей одной из лучших дворянских семей Тверской губернии. Напомним, что именно на территории этой губернии и был расквартирован полк сына Шамиля вплоть до начала Крымской войны.

Эта история плотно вошла в жизнеописание Джемал Эддина, однако единственным (заметим, непроверенным) ее источником служит рассказ «Невеста Шамиля». Он был записан П. А. Олениным со слов его тетки баронессы Е. П. Энгельгардт, урожденной Олениной, и опубликован в одном из номеров «Исторического вестника» за 1904 год [Оленин, 1904, с. 1021–1029]. Однако следует сразу подчеркнуть, что львиную долю рассказа, близкого к популярной в то время беллетристике, составляет художественный вымысел (подробнее см.: [Каширин, Муханов, 2010, с. 91–93]). Не вдаваясь в детальный анализ рассказа и всей этой романтической линии (уже проведенный авторами данной статьи), заметим лишь, что история о любви поручика Шамиля и девицы Елизаветы Олениной представляется скорее красивой легендой, практически не подтвержденной источниками той эпохи.

Вероятнее всего, первенца Шамиля ждала судьба обычного туземного офицера, переезжающего из одного захолустного гарнизона в другой и участвующего в тех или иных военных кампаниях империи, как на европейском направлении, так и на азиатском. Трагические события на Кавказе, приведшие к захвату горцами во время набега княгинь Чавчавадзе и Орбелиани с семьями, заставили императора вспомнить о молодом поручике «из горцев» и вновь вернули его на историческую авансцену.

Напомним, что летом 1854 г. крупный отряд горцев под командованием второго сына Шамиля Гази-Мухаммеда совершил набег в Кахетию и разграбил ряд селений и несколько имений Телавского уезда. Жители уезда, по

³¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 61. Л. 2.

подсчетом уездного начальника, «лишились убитыми: 81 д. муж. и 14 д. жен.; взятыми в плен: 322 муж. и 349 жен.; сожжено помещичьих домов 10; принадлежащих к ним хозяйственных обзаведений, как то: мараней, мельниц и мякинниц 8; крестьянских домов 283; принадлежащих к ним обзаведений 265; угнано скота 3411 штук; ограблено домашнего имущества на 209 067 р.; наличных денег 16 000 р.» [Акты..., т. 10, 1885, с. 566]. Среди прочих владений пострадало и обширное имение Цинандали, являвшееся собственностью подполковника князя Д. А. Чавчавадзе. Имение было разграблено и сожжено, а главная, в плен попала княгиня Анна Чавчавадзе с пятью малолетними детьми, со своей сестрой княгиней Варварой Орбелиани, женой покойного генерала князя Илико Орбелиани, и ее годовалым сыном, пребывавшей вместе с ними молодой княжной Ниной Баратовой, французской гувернанткой Дрансе и прислугой, состоящей из нескольких женщин [Акты..., т. 10, 1885, с. 564]. Император обратил на это событие особое внимание, так как обе похищенные княгини являлись «родными внучками последнего Грузинского царя» [Акты..., т. 10, 1885, с. 564]. В результате переговоров с Шамилем была достигнута договоренность об обмене похищенных семейств на сына имама Джемал Эддина вместе с суммой в 40 тыс. рублей серебром [Акты..., т. 11, 1888, с. 60].

После начала Крымской войны Гренадерский корпус, в составе которого находился и Уланский полк Джемал Эддина, выступил через Москву в направлении польского Седлеца. Предполагалось, что оттуда он будет направлен в Дунай, однако изменившаяся военная обстановка заставила командование в сентябре 1854 г. направить уланскую бригаду 7-й кавалерийской дивизии в Варшаву, а оттуда в октябре того же года — в Ленчицы Калишской губернии, на австрийскую границу [Багратион, 1901, с. 130–131]. Поручик Шамиль находился в походе в рядах своего полка. Неизвестно, где и когда он получил известие о событиях, которые произвели коренную перемену в его жизни, — набеге горского отряда во главе с его братом Гази-Мухаммедом на Кахетию, захвате им знатных грузинских пленниц и предложении имама Шамиля обменять их на своего старшего сына. Единственно, что подтверждается полковой историей, это нахождение поручика Шамиля в своем полку в Ленчицах, когда было принято судьбоносное решение об обмене его на грузинских заложниц [Багратион, 1901, с. 131]. Н. Н. Муравьев, командовавший Гренадерским корпусом до своего назначения наместником на Кавказе, вспоминал, что «Джемал Эддин был ему лично известен и привезен им на Кавказскую линию для передачи, по высочайшему повелению, отцу, взамен пленниц» (т. е. доставил на Кавказ вообще, но, конечно, не на саму процедуру обмена) [Муравьев, 2021, с. 26].

В некоторых работах о Шамиле и его семействе высказываются голословные предположения, что Джемал Эддину была предоставлена возможность самому решить вопрос, возвращаться ли ему в горы к отцу в обмен на грузинских пленниц. Якобы, молодой уланский офицер, руководствуясь благородными побуждениями и соображениями государственной необходимости, принял мучительно трудное и жертвенное решение расстаться с привычным ему укладом жизни, любимой невестой, друзьями — и вернуться к отцу. Однако мы позволим себе усомниться в правдоподобности этой версии, не имеющей

подтверждений в источниках. Принципиальное решение о проведении обмена пленных грузинок на Джемал Эддина принял император Николай I, а его воля была абсолютным законом для каждого подданного, не говоря об офицере его армии. Мог ли поручик армейского уланского полка в 1854 г. сказать, что не хочет исполнить желание российского монарха? Ответ представляется очевидным — не мог. Так что, если у Джемал Эддина и спросили формально о его согласии, в действительности он мог самостоятельно решить свою судьбу не более, чем тот девятилетний мальчик, которого один владыка выдал аманатом другому в августе 1839 г. Молодой горец, ставший русским офицером, по жребию родства и помимо своей воли вторично попал в беспощадные жернова Кавказской войны, и его трагическая участь была, по сути, уже решена.

Последний прецедент, связанный с ним и его пребыванием в русской армии, это то, как его исключали или, точнее говоря, выписывали из ее рядов. Поручик Шамиль был отправлен на родину по Высочайшему повелению, сообщенному в отзыве военного министра от 25 ноября 1854 г. за № 17298. Бюрократическая машина военного ведомства работала достаточно медленно, и лишь примерно год спустя возник вопрос о формальном статусе поручика Шамиля в русской армии. В итоге было принято решение исключить Джемал Эддина из списков его полка. 4 января 1856 г. Инспекторский департамент Военного министерства также исключил его из своих списков³². В истории службы поручика из горцев Джемал Эддина Шамиля в русской армии была поставлена последняя точка. «Отправлен на основании Высочайшего повеления на родину»³³, — именно так военное ведомство империи официально сформулировало обстоятельства оставления Джемал Эддином русской службы. И эта формулировка косвенно подтверждает, что речь не шла о добровольном выборе самого поручика Шамиля. Российская империя и Кавказская война неволей исторгли Джемал Эддина из его семейного круга и родных мест; неволей и возвращали его обратно в горы.

Показательно, что уже через 5 лет после этого решения в русской армии опять оказался корнет Шамиль, да еще и в Кавказском эскадроне Императорского конвоя. Тем не менее первый пример служения в русской армии показал старший сын великого имама — поручик Джемал Эддин Шамиль.

Список сокращений / Abbreviations

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
[Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

Список литературы / References

1. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Т. X. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1885 [*Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission)*]. Vol. X. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1885 (in Russian)].

³² РГВИА. Ф. 395. Оп. 48. Д. 1726. Л. 1–1об.

³³ Там же.

2. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Vol. XI. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1888 [*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission)*]. Vol. XI. Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1888 (in Russian)].
3. Антонов А. Н. *Первый кадетский корпус. Краткие исторические сведения*. СПб.: Скоропечатня Рашкова, 1906 [Antonov A. N. *The First Cadet Corps. Brief historical information*. St. Petersburg: Rashkova Printing House, 1906 (in Russian)].
4. Багратион Д. П. *Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского Величества Великому Князю Михаилу Николаевичу полка*. СПб.: Типо-лит. Ю. А. Римана, 1901 [Bagration D. P. *Historical memoirs of the 38th Vladimir Dragoon Regiment of His Imperial Majesty Grand Duke Mikhail Nikolaevich*. St. Petersburg: Typo-lit. Yu. A. Riman, 1901 (in Russian)].
5. Каширин В. Б., Муханов В. М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля). *Кавказский сборник*. Т. 6(38). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2010. С. 63–115 [Kashirin V. B., Mukhanov V. M. Hostage of two rulers (the fate of the most famous hostage of the Caucasian War, lieutenant Dzhemal Eddin Shamil). *Kavkazskiy sbornik*. Vol. 6(38). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2010, pp. 63–115 (in Russian)].
6. Кемпер М., Тагирова Н. А., Шихсаидов А. Р. Библиотека имама Шамиля в Принстоне. *Дагестан и мусульманский Восток = Daghestan and the Muslim East. Сборник статей*. Сост. и отв. ред. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2010 [Kemper M., Tagirova N. A., Shikhsaidov A. R. Imam Shamil Library in Princeton. *Daghestan and the Muslim East. Collection of articles*. Comp. and resp. ed. A. K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov. Moscow: Publ. Marjani's house, 2010 (in Russian and English)].
7. Муравьев-Карский Н. Н. *Война за Кавказом. 1855 год*. М.: Кучково поле, 2021 [Muravyov-Karsky N. N. *War in the Caucasus. 1855*. М.: Kuchkovo pole, 2021 (in Russian)].
8. Муханов В. М. Имам Шамиль и его дети // *Кавказский сборник*. Т. 4(36). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2007. С. 206–227 [Mukhanov V. M. Imam Shamil and his children. *Kavkazskiy sbornik (Caucasian collection)*. Vol. 4(36). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2007, pp. 206–227 (in Russian)].
9. Оленин П. А. Невеста Шамиля. *Исторический вестник*. 1904. № 12. С. 1021–1029 [Olenin P. A. Shamil's Bride. *Istoricheskiy vestnik (Historical bulletin)*. 1904. № 12, pp. 1021–1029 (in Russian)].

Информация об авторах

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН; vbkashirin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2653-7063>

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 18.06.2024; принята к публикации 21.06.2024; опубликована 30.09.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Vasily B. Kashirin — PhD (Hist.), Senior research fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vbkashirin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2653-7063>.

Vadim M. Mukhanov — Ph. D (Hist.), head of Sector for the Caucasus, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 21.06.2024; published 30.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.